

Операция «Снежок»

До 1954 года населенный пункт Тоцкое был известен как крепость, основанная в 1736 году. В 1773-м гарнизон крепости присоединился к войскам бунтовщика Емельяна Пугачева. А еще в Тоцком в годы Первой мировой войны в лагере для военнопленных находился ефрейтор 91-го пехотного полка Ярослав Гашек, чешский писатель, автор похождения бравого солдата Швейка. То, что произошло в сентябре 1954 года на Тоцком полигоне в Оренбургской области, долгие годы окружала плотная завеса секретности.

В начале 1950-х годов мир всерьез готовился к третьей мировой войне. После проведенных в США испытаний в СССР также решили опробовать ядерную бомбу на открытой местности. Главными инициаторами проведения военных учений счита-

В 2007 году на Тоцком полигоне – в эпицентре взрыва – был установлен памятный знак – стела с колоколами. Каждый год 14 сентября колокола звонят в память о всех пострадавших от радиации на Тоцком, Семипалатинском, Новоземельском, Капустин-Ярском и Ладожском полигонах.

Память о Тоцких учениях – это не только память о прошлом и о долгах уходящему поколению. Речь идет о жизни вообще, о возможности жить и выжить, о существовании человечества в настоящем и будущем.

«...Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

*Джон Донн, английский поэт
и проповедник*

ют Бориса Ванникова, руководившего программой создания и производства ядерного оружия, и маршала Советского Союза Александра Василевского, первого заместителя министра обороны СССР. Впрочем, не только они, но и все высшее военное руководство СССР страстно желало увидеть на практике, смогут ли советские солдаты подняться в атаку после ядерного удара. Пожалуй, никто из них тогда не знал, какие последствия могут быть. А может, и знали, но не подавали виду.

Весной 1954-го после оценки Тоцкого полигона он был признан лучшим по условиям обеспечения безопасности. Место учений — в оренбургской степи — выбрали из-за сходства с западноевропейским ландшафтом.

Испытаний в таких условиях в СССР еще не проводилось, поэтому целью и было изучить воздействие атомного взрыва на инженерные сооружения, военную технику, животных, выявить влияние рельефа местности и растительного покрова на

распространение ударной волны, светового излучения и проникающей радиации. Узнать, насколько проходимы будут лесные завалы в типичной европейской местности, уровень запыленности и задымления и т. д.

В будущем тогда еще далеком 1999 году Младен Маркович, человек, который в один день дважды побывал в эпицентре взрыва атомной бомбы, назовет эти учения в оренбургской степи преступлением: «Выбор места испытания был не ошибочным — он был преступным. Трудно было на пространстве в одну шестую земной суши найти более населенный регион, чем область между Волгой и Уралом. Как и трудно выбрать для заражения более плодородную почву или такую красивую реку, как Самара, длина которой 600 километров и которая в самой Самаре с населением свыше миллиона жителей вливается в лучшую магистральную реку Европы — Волгу».

Подготовка к операции «Снежок»

Подготовка к учениям под кодовым названием «Снежок» длилась три месяца. Огромное боевое поле было буквально испещрено километрами окопов, траншей и противотанковых рвов; были построены сотни дотов, дзотов, блиндажей. Палаточный лагерь растянулся на 42 километра. На полигон прибыли 45 тысяч военнослужащих — 39 тысяч солдат, сержантов и старшин, 6 тысяч офицеров, генералов и маршалов, 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов, 6 тысяч тягачей и автомобилей.

Накануне учений офицерам показали секретный фильм о действии ядерного оружия. Тогда же участники учений услышали: «Вам выпала великая честь — впервые в мире действовать в реальных условиях применения ядерной бомбы».

Жителям деревень, которые находились в 5-6 км от эпицентра взрыва, было предложено временно эвакуироваться за 50 км от места проведения учений. Их организовано вывозили войска, брать с собой разрешалось все. Весь период учений эвакуированным жителям платили суточные.

За месяц до начала самолет ТУ-4 ежедневно сбрасывал в эпицентр «болванку» — макет бомбы массой 250 кг.

В старой дубовой роще был нанесен белый известковый крест размером 100×100 м. В него-то и метили тренирующиеся летчики. Тренировались два экипажа — майора Кутырчева и капитана Лясникова.

Отклонение от цели не должно было превышать 500 метров. Кругом располагались войска. Для предотвращения поражения ударной волной бойцам, располагающимся на отдалении 5-7,5 км от эпицентра взрыва, было предписано находиться в укрытиях, а далее 7,5 км — в траншеях в положении сидя или лежа.

Вокруг эпицентра взрыва была расставлена боевая техника — танки, самолеты, бронетранспортеры, к которым в траншеях и на земле привязали «десант»: овец, собак, лошадей и телят.

За трое суток до начала учений на полевой аэродром в районе Тоцкого стали прибывать высшие военачальники: маршалы Советского Союза Василевский, Рокоссовский, Конев, Малиновский. Прибыли даже министры обороны стран народной демократии, генералы Мариан Спыхальский, Людвиг Свобода, маршалы Чжу Дэ и Пэн Дэхуай. Все они размещались в заранее построенном в районе лагеря правительственным городке. За сутки до учений в Тоцком появились Хрущев, Булганин и создатель ядерного оружия Курчатова. Руководителем учений был назначен маршал Жуков.

В день вылета оба экипажа ТУ-4 готовились в полном объеме. Команду на взлет получил экипаж Кутырчева, где бомбардиром был капитан Кокорин, вторым летчиком — Роменский, штурманом — Бабец. ТУ-4 сопровождали два истребителя МИГ-17 и бомбардировщик ИЛ-28, которые должны были вести разведку погоды и киносъёмку, а также осуществлять охрану носителя в полете.

«14 сентября... Светило солнце, чуть шевелились листья кустарников. А где-то высоко в небе уже шел самолет-носитель с плутониевой бомбой под кодовым названием «Татьянка» мощностью 40 килотонн в тротиловом эквиваленте. Это в несколько раз больше той, что взорвали над Хиросимой.

Прозвучал последний, третий, сигнал: «Молния». Вдали раздался адский грохот, и в небе появился зловещий огненный шар. Через 45 секунд на высоте 350 м от поверхности земли последовал взрыв с температурой в миллионы градусов, чье световое излучение сжигает дома и деревья, превращает песок в гранулированное стекло, плавит танковую броню и самолеты. Это самолет-носитель со второго захода на цель с высоты 8000 м сбросил атомную бомбу. Стрелки часов остановились на отметке 9 часов 33 минуты.

У каждого участника учений тогда были свои, индивидуальные ощущения, но сумма их укладывается в два слова — «непередаваемый кошмар», — вспоминает участник учений Иван Путивльский.

Во время взрыва в закрытые траншеи и блиндажи, где находились солдаты, проник яркий свет. Через несколько секунд они услышали звук, напоминающий резкий грозовой разряд. В момент взрыва сильно качнуло, земля сдвинулась, ушла из-под ног, в небо взметнулся ослепительно яркий огненный гриб и огромное, в полнеба, облако. Его снизу как бы подталкивало вверх гудящее багровое пламя. Оно менялось в цвете, становилось малиновым, менее ярким и все клубилось, поднималось выше, увлекая за собой, засасывая с земли столб пыли и всего, что там еще было.

Атомная ударная волна не только дробит в щепки строения, переворачивает и плющит многотонные танковые корпуса, срывая башни и отбрасывая их на полкилометра. В момент взрыва сгорает огромное количество кислорода и ударная волна разгоняет во все стороны колоссальные массы воздуха. Поэтому в центре взрыва образуется пустота, безвоздушное пространство, как пылесос, затягивающее в себя грунт и пыль, которые потом оседают и осыпаются по окрестностям.

Через 5 минут после ядерного взрыва началась артиллерийская подготовка, затем был нанесен удар бомбардировочной авиацией. Самолеты, нанося удар по наземным целям через 21-22 минуты после ядерного взрыва, пролетали ножку ядерного гриба — ствол радиоактивного облака. Заговорили орудия и минометы разных калибров, «катюши», самоходные артиллерийские установки, танки, закопанные в землю. Плотность огня на километр площади была больше, чем при взятии Берлина. Десятки тысяч солдат и офицеров устремились в атаку через эпицентр взрыва, а сверху на них сыпалась радиоактивная гадость...

Долину, в полутора километрах от которой находился эпицентр взрыва, бойцы пересекали в противогазах. Они видели жалкие остатки военной техники — горящие поршневые самолеты, автомобили и штабные машины, груды скота с оторванными конечностями и обуглившимися боками, выкорчеванные деревья.

Все, кто помнил этот день, рассказывали примерно то же самое — с разной степенью потрясения и ужаса от увиденной наяву картины Судного дня.

В самом эпицентре — в радиусе 300 м — не осталось ни одного столетнего дуба, все сгорело. Вместо деревьев стояли лишь обгоревшие колья. Дубовая роща-красавица исчезла в одно мгновение — тысячи могучих великанов возрастом под 250 лет!

В домах на расстоянии 25 километров вылетели оконные рамы и потрескались стены. Две деревни, к счастью, заранее переселенные, сгорели дотла — остались лишь пепелища. Стояла сплошная черная стена из дыма и пыли, смрада и гари. Сохло и першило в горле, в ушах стоял звон и шум. Стрелки дозиметрических приборов зашкаливали, и рентгенометры уже не реагировали на излучение.

«То, что мы увидели, не поддавалось описанию и не укладывалось в сознании, к этому невозможно привыкнуть и невозможно забыть», — вспоминает Геннадий Амбразевич.

На оплавленном грунте валялись сорванные танковые башни, поставленные на попа, подобно спичечным коробкам, корпуса боевых машин, покореженные орудийные лафеты, завязанные замысловатыми узлами пушечные стволы, смятые,

как старые носовые платки, кузова бронетранспортеров и автомобилей.

Два дня спустя — 17 сентября 1954 года — в газете «Правда» было напечатано сообщение ТАСС: «В соответствии с планом научно-исследовательских и экспериментальных работ в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва. При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решить задачи по защите от атомного нападения».

После учений все участники прошли лишь дозиметрический контроль. Такие элементарные меры предосторожности, как дезактивация техники, оружия и обмундирования, не применялись. Никакого специального медицинского наблюдения за состоянием здоровья личного состава установлено не было. Гораздо большее внимание специалисты уделили выданному им в день учений сухому пайку, завернутому почти в двухсантиметровый слой резины. Его тут же забрали на исследование. На следующий день всех солдат и офицеров перевели на обычный рацион питания. Деликатесы исчезли. А вот мыши, крысы, кролики, овцы, коровы, лошади и даже насекомые, побывавшие в «зоне», подвергались самому пристальному обследованию.

Когда возвращались с Тоцкого полигона, состав пропускали без малейшей задержки. Мимо пролетали станции: пустой перрон, на котором стоял одинокий начальник вокзала и отдавал честь. Причина была проста: в том же поезде, в спецвагоне, с учений возвращался Семен Михайлович Буденный.

Генералитет на Казанском вокзале встречали пышно — с оркестром, цветами, приветственными речами. Кстати, им, находившимся на открытой трибуне, тоже досталась определенная доза радиации. После взрыва атомной бомбы мощная ударная волна дошла и до «маршальско-генеральского» наблюдательного пункта, посшибав головные уборы и с самого Жукова, и с Конева, и с Рокоссовского, сметя со смотровой площадки табуреты, приготовленные для руководителей учений и приглашенных. Маршалы же, как утверждают очевидцы, даже бровью не повели, лишь адъютанты бросились догонять фуражки своих патронов. Никакой паники не было. Все четко выполняли приказы. Тем более на учениях присутствовали министры обороны стран народной демократии, и они должны были ясно слышать хорошо «исполненную» симфонию боя в глубине обороны «противника».

Летчикам, которые сбросили ядерную бомбу, за успешное выполнение задания вручили по автомашине марки «Победа». На разборе учений командир экипажа Василий Кутырчев из рук Булганина получил орден Ленина и, досрочно, звание полковника.

А в урочище Дурной Гай в ходе разбора учений министр обороны СССР Н. Булганин заявил: «Целью учений было всеми средствами и способами добиваться максимальной защиты всего живого от поражающих факторов атомного оружия в разнообразных условиях местности. Мы полагаем, что эта цель в основном достигнута».

А в это время над сожженной атомным огнем степью все дальше и дальше летело на восток радиоактивное облако, постепенно размываясь ветрами и оседая на землю. Отклонение от намеченного эпицентра составило 280 м в северо-западном направлении. В последний момент ветер переменялся: он отнес радиоактивное облако не в безлюдную степь, как ожидали, а прямо на Оренбург и дальше, в сторону Красноярска.

Войска выполнили свою задачу: ядерный щит страны был создан.

Спецслужбы США, конечно же, отследили Тоцкий взрыв. И вписали его в свою классификацию под именем Джо-9. Джо — это, как всем понятно, Джозеф, то есть Иосиф Сталин, а 9 — порядковый номер советского атомного взрыва.

Жители окрестных на две трети сгоревших деревень по бревнышку перетаскивали выстроенные для них новые дома на старые — обжитые и уже зараженные — места, собрали на полях радиоактивное зерно, запеченную в земле картошку. И еще долго старожилы Богдановки, Федоровки и села Сорочинское помнили странное свечение дров. Поленницы, сложенные из обуглившихся в районе взрыва деревьев, светились в темноте зеленоватым огнем.

Федор Илларионович Колесов, в 1954 году занимавший пост председателя Тоцкого райисполкома, в октябре 1989-го рассказывал: «Я у военных спрашивал: «Почему не в песках взорвать, мало ли у нас песков?»».

Солдаты, сержанты, старшины не были удостоены ни знаков отличия, ни специальных удостоверений, ни наград. Благодарность, которую им объявил министр обороны Булганин, они также не получили.

На результаты общевойсковых учений с применением ядерного оружия наложили гриф «совершенно секретно».

Между тем сразу же после учений солдат и офицеров, которые принимали в них участие, начали спешно выбраковывать. Первая напасть — беспричинный кровавый понос. Тает человек на глазах, и ничем ему военврач не может помочь. И в армии ему делать нечего. Таких домой отправляли: пусть гражданские врачи разбираются. Но ведь и им ничего говорить нельзя.

Засекреченные и забытые, они жили, как могли, без всякого внимания со стороны государства.

Большинство из оставшихся в живых участников тех событий в отличие от чернобыльцев так и не смогли воспользоваться льготами.

В 2000-х годах в России, Беларуси, Казахстане стали устанавливать памятные знаки участникам ядерных испытаний. Малое утешение, но все же...

И в Бресте, напротив гарнизонного кладбища, 12 сентября 2004 года был установлен скромный гранитный памятный знак. Брестский гарнизон принимал участие в Тоцких учениях в полном составе. В живых из тех десятков тысяч, которые там были, остались немногие. Меньше двух тысяч человек живет в России, 600-700 — в Беларуси и примерно столько же в Украине.

На лицевой стороне памятника изображен ядерный взрыв, дата — 14.09.1954 г. и название памятного знака — «В честь и во славу участников создания ядерного щита Советского Союза». С обратной стороны — межконтинентальная баллистическая ракета, годы «1961-1990» и текст: «Полигоны ядерных испытаний: Семипалатинский, Новая Земля, Капустин Яр (ракетный), Тоцкий, район г. Аральска».

Позади памятника — два щита. На одном из них можно прочесть следующее: «14 сентября 1954 на Тоцком полигоне Оренбуржья проведено единственное в истории Вооруженных сил СССР экспериментальное войсковое учение с применением ядерного оружия. Основу группировки войск составлял Брестский гарнизон в составе соединений и частей 128 стрелкового корпуса. В 1961-1990 гг. в лесах Брестчины несла боевое дежурство 31-я ракетная дивизия стратегического назначения».

По мнению Владимира Яковлевича Бенцианова, основателя государственно-общественной организации «Комитет ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации», именно благодаря этим учениям мир избежал третьей мировой войны. США, наблюдавшие за ходом «тестирования» русскими атомной бомбы, отказались от планов нападения на СССР.

В 2007 году на Тоцком полигоне — в эпицентре взрыва — был также установлен памятный знак — стела с колоколами. Каждый год 14 сентября колокола звонят в память о всех пострадавших от радиации на Тоцком, Семипалатинском, Новоземельском, Капустин-Ярском и Ладожском полигонах.

Память о Тоцких учениях — это не только память о прошлом и о долгах уходящему поколению. Речь идет о жизни вообще, о возможности жить и выжить, о существовании человечества в настоящем и будущем. Ибо непризнанные катастрофы рождают катастрофы новые. Как и забытое преступление рождает преступление новое. Об этом хотелось бы все-таки помнить!

Татьяна ЛЫЧАГИНА

В подготовке материала были использованы воспоминания участников Тоцких войсковых учений 1954 года: Геннадия Амбразевича, Владимира Бенцианова, Федора Колесова, Младена Марковича, Ивана Путивельского, Николая Пильщикова, Станислава Казанова.